

БОГИ В СВЕТЕ НЕОНА

Руки, полные пепла

Руки, полные бури

Руки, полные дождя

РУКИ,
ПОЛНЫЕ
ПЕПЛА

М Э Й

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М97

Иллюстрация на переплете XINSHI 麻雀

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Мэй.

М97 Руки, полные пепла / Мэй. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-107565-1

Лондон утоплен в неоне огней, и в ночном клубе за микрофоном стоит сам Аид. Ему визгом гитары вторит Гипнос. Сет держит клуб, а лучезарный Амон варит кофе и печет блинчики.

Один, Нуаду, Нефтида – древние боги живы. Затерявшись среди смертных, они никогда не были мертвы.

До сегодняшнего дня.

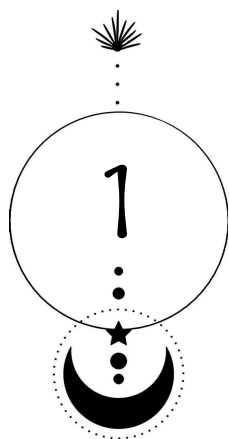
Кто-то открыл охоту на тех, кому знакома вечность, но не смерть. Смутные тени несут погибель, и пока пантеоны всего мира пытаются понять, что происходит, и откуда ждать удара, Аид надеется увидеть искру узнавания в глазах Софи, девушки из клуба. Он уверен, что это его Персефона в новом облике.

Кому нужна гибель богов? Или, может, вечность – это и правда слишком долго, и настала пора бессмертных уйти в небытие?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107565-1

© Мэй, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Я вернусь. Я обязательно вернусь.

Годы облетят, будто пожухлые листья, ветер снова принесет мой голос, шепотом зовущий тебя по имени. Ты услышишь его, обязательно услышишь. А я вспомню тебя. Потому что никогда не забывала.

Не прощайся.

После успешного выступления в клубе группа чаще всего предпочитала напиться. Нынешний вечер музыканты «Стикс течет вспять» сочли однозначно успешным.

Маленький душный клуб оказался забит под завязку: неоновые огни бара отражались на потных телах танцующих людей. Они передавали друг другу пиво и косяки с травкой, громко смеясь и роняя запрещенный пепел на бетонный пол. Клуб устроили в бывшем заводском помещении, так что под потолком извивались переплетения неработающих труб. Но полумрак надежно скрывал любые недостатки.

Группа успела заявить о себе не только необычным названием, но и густым, неожиданно качественным и «темным» звуком. Четверо участников даже

обзавелись собственными поклонницами. Пятым членом группы была клавишница Роуз. Она меняла цвет волос почти перед каждым концертом, а фигуру затягивала в корсеты, украшая кружевом и атласными лентами.

— Боже, Стив, не обкуришь до того, что забудешь свое имя! — Она сморщила нос.

В комнате для музыкантов меланхоличный Стив только пожал плечами и сделал еще одну затяжку. Он являл собой живое олицетворение всех стереотипов о бас-гитаристах: невозмутимый и неразговорчивый.

Сияющий Майки беспечно махнул рукой:

— Да ладно тебе, Роуз! Концерт прошел офигенно.

— Мне кажется, ты выбираешь приличные выражения только потому, что я еще не ушла.

— Эй, ты нас бросаешь?

— Меня ждут.

— О, ты про того красавчика?

— Это мой муж вообще-то.

Конечно же, Майки знал об этом, да и с самим Сэмом была знакома вся группа, иногда они даже выступали в том клубе, где он работал барменом. Но Майки никогда не упускал возможность отпустить в его адрес пару шуток — да и в адрес любого другого человека тоже.

— Майки, заткнись, — серьезно сказал еще один участник группы.

Эллиот уже успел вытащить линзы, делавшие его глаза сплошным чернильным пятном. Спрятав их в маленькую коробочку, он протирал очки в тонкой черной оправе. Когда Эллиот водружал их на нос, то меньше всего походил на барабанщика андерграундной группы — скорее на студента факультета философии.

— Сам заткнись, — огрызнулся Майки. — Что ты вечно занудничаешь?

— Вношу рациональное звено в тот хаос, который ты зовешь жизнью.

— Это мой хаос. Он мне нравится.

— Если не будешь его контролировать, он тебя поглотит.

Со стороны сложно было поверить, но Майки и Эллиот еще со школы были лучшими друзьями. Они могли сколько угодно препираться друг с другом, но если бы кто-то попробовал обидеть одного из них, то имел бы дело сразу с обоими.

Майки изобразил обиду и, выхватив косяк у Стива, глубоко затыкнулся. Стив даже ничего не возразил, закинул руки за голову и уставился в потолок. Обратился он к последнему участнику группы, который молча сидел в углу:

— А что скажешь ты, Гадес?

Они не знали его настоящего имени — по крайней мере ни Майки, ни Эллиот не верили, что кого-то могут на самом деле звать Гадесом, а Стиву, похоже, было все равно. Роуз, правда, верила. Она как-то сказала, что ее второе имя, данное мамой, заставит поверить во что угодно, но самого имени никогда не называла.

Гадес собрал их группу. Он писал большую часть текстов и музыки, а основная часть поклонников приходила послушать именно его бархатистый, проникающий под кожу голос.

— Отличное выступление, — лаконично сказал Гадес.

Роуз убрала с лица прядь волос, сегодня ярко-розовых, и застегнула молнию на чехле синтезатора.

— Проводишь? — спросила она его. — Или тоже решил обкуриться с этими чудиками?

— Попрошу! — возмутился Майки. — Чудик тут только Стив.

Гадес улыбнулся Роуз:

— Ты же знаешь, эта муть, как и алкоголь, на меня слабо действует.

— Я бы решила, что это вызов, и специально для тебя нашла что посильнее... но, пожалуй, воспользуюсь тем, что ты достаточно трезв, чтобы меня проводить.

Гадес подхватил сумку Роуз и, отсалютовав Майки, Эллиоту и Стиву, пошел за ней. Они быстро протиснулись через толпу людей, чуть не оглохнув от бьющей по ушам басами фоновой музыки, и оказались у изрисованного граффити фасада клуба. Роуз расправила плечи, глубоко вдыхая свежий воздух:

— Не представляешь, как я сейчас хочу пива!

— Так мы могли посидеть в баре.

— Нет, Сэм ждет. Я обещала, что не буду задерживаться. Он... ну, хотел устроить свидание.

Гадес снова улыбнулся:

— По-моему, очень романтично. Вы женаты, а он до сих пор устраивает тебе свидания.

— Ну да. Эх, и как ты до сих пор один? Столько девиц готовы визжать от одного твоего взгляда.

— Это не те женщины.

— Да ты успеешь перебрать половину города, пока отыщешь ту самую! — фыркнула Роуз.

— Не волнуйся о моей личной жизни. Я разберусь сам.

Роуз прикусила губу, понимая, что вообще-то Гадес прав. Но ей всегда хотелось устроить все наилучшим образом. Будь ее воля, она наверняка кормила бы каждого участника группы, просто чтобы быть уверенной, что они поели. На Рождество она совершенно серьезно подарила всем по шарфику.

Заметив машину Сэма, Гадес передал ей сумку:

— Если я подойду, это затянется надолго. Ты же знаешь Сэма, он любит рассказывать о коктейлях,

а я люблю слушать. Поэтому не буду задерживать ваше свидание.

— Ты чудо.

Роуз на прощание поцеловала его в щеку и поспешила к машине. А Гадес, прищурившись, осмотрел парковку, как будто хотел увидеть что-то за ней, сквозь нее. Сквозь ночной город, раскинувшийся вокруг.

Он достал сигареты из кармана джинсов и закурил. Прислонился спиной к каменной стене клуба, ощущая бьющие в его тело — в его теле — басы.

Недалеко расположилась группа каких-то девиц, громко хохочущих и обсуждающих прошедший концерт. С легкой улыбкой Гадес слушал сплетни о себе, Майки и Эллиоте. Стива обсуждали реже.

— О... это же ты.

Остальные девушки его еще не узнали, а вот стоящая рядом незнакомка, похоже, да. Гадес скосил на нее глаза, но сделал вид, что не понимает, о чем она.

— Кто — я?

— Гадес.

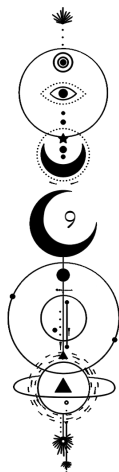
Его имя прозвучало у нее как-то необычно, как будто она произносила его каждый день, с такими интонациями... Гадес едва заметно тряхнул головой, отгоняя наваждение. А она тем временем напела:

— *Попроси его о боли... попроси его о грехе...*

И тут же заметно смутилась.

— Прости. Вообще-то я обычно вот так не пристаю к людям. Не знаю, что на меня нашло.

Гадес присмотрелся к девушке. Она казалась совсем юной, и густой слой косметики не мог этого скрыть. Вьющиеся волосы заплетены в две косы, и даже в мутном свете фонарей было заметно, что они рыжие. Правда, не ясно, натуральные или крашенные. Девушка была одета в корсет, короткую юбку и, неожиданно, гольфы, которые резко выбивались

из общего стиля посетителей клуба, но удивительно шли именно ей. Похоже, она мерзла в тонкой блузке, но не подавала вида.

— Привет, — сказал Гадес. — Мое имя ты знаешь, а как обращаться к тебе?

— Софи.

— Очень приятно, Софи. Ты куришь?

— Нет, вышла подышать свежим воздухом. Внутри душно.

Она не казалась девушкой, которая постоянно ходит по концертам и горящим неонам клубам, где играют андерграундные группы. Но неуловимо походила на девушку, которой нравится музыка, звучащая в подобных местах.

— Я правда не знаю, что на меня нашло, — кажется, Софи смущалась все больше. — Извини.

— Ничего. Правда ничего. Главное, не называй мое имя слишком громко, не хочу, чтобы те девицы услышали.

— О... тебе не нравятся поклонницы?

— Мне не нравится их назойливость. А однажды мы с ними все равно встретимся.

— Как загадочно звучит.

Гадес улыбнулся. Он знал, что в тених его улыбка выглядит одновременно и притягательной, и пугающей.

— Может, я вампир, который живет вечно.

— Скорее ты похож на древнего бога, который рассказывает в текстах песен об истине, но никто ему не верит.

Он вздрогнул. Настолько, что едва не уронил тлеющую в руках сигарету. Давно никому не удавалось вот так выбить его из колеи. Гадес затаился, впуская в легкие дым и спокойствие, но Софи, похоже, ничего не заметила. Она задумчиво смотрела вперед, на парковку, а потом повернулась к Гадесу и сказала, как будто извиняясь:

— Это из-за вашего названия. «Стикс течет вспять». Сразу думаешь о древних богах. О временах, когда верили в загробную жизнь, в извивающихся змей на голове Медузы горгоны и в Цербера, который сторожит проход царства мертвых.

— У меня есть собака.

Если бы Гадес умел смущаться, то сейчас определенно смутился бы от того, насколько невольно прозвучала его фраза, но Софи, похоже, восприняла замечание спокойно.

— Здорово, — сказала она. — Мне всегда хотелось собаку. Большую овчарку. Но мама не позволяет.

— Ты живешь где-то рядом?

— В доме на окраине.

— О, один из тех милых домов за крашеным зеленым забором? Идеальный газон, аккуратный почтовый ящик.

Софи рассмеялась.

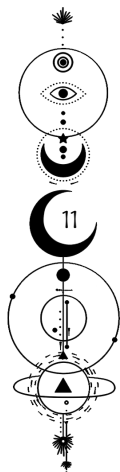
— Что-то вроде того! На нашем нарисованы звезды, а забор кое-где стоило бы подновить.

— Звезды? Необычно.

— Моя мама — ведьма, ей положено что-то такое экстравагантное. Ты еще не видел ее рекламу в газете! «Гадание на Таро, зелья, оккультизм». Привороты только по субботам.

Софи говорила о работе матери легко, явно не слишком придавая ей особенного значения. А может, привыкнув, что в их доме варились так называемые зелья, а на подоконнике росли травы. Но Гадес невольно напрягся: слишком часто он встречал тех, кто называл себя ведьмами и действительно ими и являлся. И ему эти встречи никогда не приносили ничего хорошего.

— Так что насчет древних богов? — неожиданно спросила Софи. — Тебе нравится мифология? Хотя глупый вопрос. Конечно, нравится. У тебя даже имя в честь Аида, бога мертвых.

— Мне нравится одна легенда о нем.

— Какая?

— Что древние боги не умерли и никогда не могут быть мертвы. Аид до сих пор властвует в своем царстве мертвых. А еще бродит по миру в поисках своей жены, Персефоны. Легенда гласит, что ее мать, Деметра, в древности не позволяла им быть вместе, и половину года Персефона проводила с ней в мире цветущего плодородия, а на вторую становилась властительницей Подземного царства.

Софи нахмурилась.

— Я слышала версию, где Аид ее похищал и забирал с собой насильно.

— Возможно, ей нравилось, когда он применял силу? Как бы то ни было, согласно легендам, Аид бессмертен, а вот душа Персефоны перерождается раз за разом для смертной жизни. И Аид ищет ее, чтобы напомнить, кто она, и снова сделать своей королевой. Только Деметра всегда против. Это она придумала прятать дочь в смертных телах.

— Необычная версия. Тебе стоит написать о ней песню.

Дверь клуба распахнулась, и душная темнота выпустила еще одну девушку. Она огляделась, как будто ища кого-то, а когда заметила собеседницу Гадеса, помахала ей рукой:

— Сеф, черт возьми, я тебя обыскалась! Пошли внутрь, тут дубак.

Девушка вновь скрылась в клубе, а Гадес с удивлением посмотрел на Софи:

— Сеф? Ты же сказала, тебя зовут Софи.

Она скривилась:

— Терпеть не могу полное имя и дурацкие сокращения. Поэтому выбрала что-то максимально близкое, но похожее на человеческое имя.

— Как тебя зовут?

— Персефона. Мама тоже поклонница мифологии.

Она отправилась за подругой, и Гадес дернулся, собираясь пойти следом, но не стал. Он ощутил другой зов, гораздо более древний и глубинный. Как же не вовремя! Но души не могут ждать. Гадес затушил сигарету и выкинул в мусорный бак, а потом зашел за угол, где никто не мог его видеть. Прислонился спиной к кирпичной стене, которая пульсировала басами музыки клуба, прикрыл глаза и наконец-то стянул перчатки, позволяя свершиться древней магии. Души мертвых туманом просачивались в него через приоткрытый рот, через подушечки пальцев, через тело, укрытое черной одеждой. Он позволял им проходить сквозь себя и двигаться дальше, туда, где лениво перекатывались воды Стикса, не имеющего дна. Текущего только вперед.

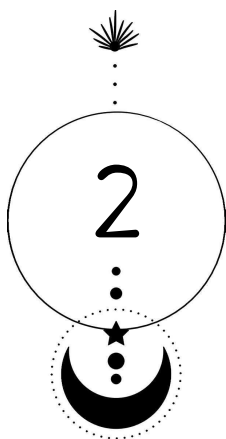
Он — Гадес, он — Врата.

Небольшая плата за возможность не торчать постоянно в Подземном мире.

Мрак рядом с ним соткался в мощного доberman. Пес подошел к хозяину и ткнулся широким лбом в руку. Гадес почесал его между ушами.

— Ну что, приятель, похоже, я нашел ее.

— Я найду тебя...

Шепчут его пересохшие губы, а тени вокруг клубятся, сжимаются и снова расширяются, эхом повторяя слова: «в аду, в аду, в аду...»

Какая злая ирония! Они уже в аду. В Подземном царстве мертвых. И Стикс рядом величественно несет воды дальше, в туманную тьму. А владыка Подземного мира, Аид, держит на руках свою возлюбленную жену, Персефону.

Она умирает.

И никакие силы в мире не способны ее спасти. Она должна умереть в этом теле — и возродиться в новом. Провести половину человеческой жизни со своей матерью Деметрой, а потом вернуться к мужу. И отдать ему вторую половину жизни. Пока снова не умрет. Пока снова не возродится.

Аиду остается только ждать.

Этот цикл идет веками, но он до сих пор не может привыкнуть.

Не научится прощаться.

Узкая ладошка Персефоны в его руках. Хрупкие девичьи пальцы дрожат, но она старается не показы-

вать страха. И пытается улыбаться, касается лица мужа, оставляя на его коже кровавые разводы.

В этот раз смерть пришла с кровью. Забрала хрупкое, вечно юное тело. И теперь дух Персефоны цепляется за изломанную человеческую оболочку, но его неумолимо уносит.

— Я найду тебя... найду твое новое воплощение. Жди меня.

— Я буду ждать, — шепчет она в ответ. Ей больно, и Аид знает это. Но Персефона не подает вида. У нее и без того мало времени. — Найди меня. И я снова буду твоей. Всегда твоей.

Они оба знают, что Деметра не допустит никакого «всегда», что будут условия. Но им хочется верить. Каждый раз.

— Поцелуй меня, — просит Персефона.

Ее голос будто шелест опадающих лепестков еще не распустившихся бутонов роз. Ее глаза отражают юность весны и полноводность Стикса.

— Я буду твоей королевой. Будь моим королем.

Он целует ее. Чувствует вкус крови и аромат лилий. Привкус гранатовых зерен и пыль рассыпавшихся костей на своих пальцах. Он всегда чувствует смерть. Он и есть смерть.

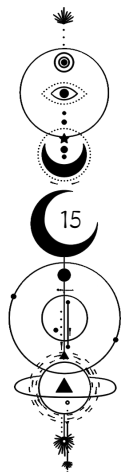
И она тоже.

Она не узнала его.

Персефона не узнала его.

И Гадес не понимал, его это больше удивляет или расстраивает? Печалит? Вызывает недоумение? Он не знал. Но очень жалел, что алкоголь действует на него куда слабее, чем на обычных людей. Чтобы на самом деле напиться, ему придется провести в баре много времени.

После внезапной встречи с Персефой Гадес вернулся в клуб. Он разыскал ее и попробовал загово-

рить. Наверное, еще заходя с морозного воздуха в духоту полутемного помещения, он подозревал правду, но не желал ее признавать.

Как будто стало проще, когда он увидел ответ в удивленном взгляде Персефоны. В ее глазах, которые не менялись от воплощения к воплощению.

Она смотрела на Гадеса, стоя посреди рассеивающейся толпы, между сумраком и бьющими на границе слуха басами приглушенной музыки. Она смотрела и не узнавала так, как узнал ее он — даже если бы на этот раз Деметра отошла от традиции привычного имени.

Он узнавал ее всегда. Не сразу, но всегда.

Какой силой могла воспользоваться ее мать? Гадес не сомневался, это дело рук Деметры. Она всегда считала, что решение богов неверно, и дочь всегда должна оставаться рядом с ней. Как будто того факта, что Персефоне приходится не просто менять тела, а перерождаться, недостаточно.

Как будто то, что Гадес ждет и ищет ее половину жизни, — это мало.

Кто помог Деметре? Она бы никогда не осмелилась в одиночку бросать вызов богам. Да и сил у нее не хватило бы. Не ее стезя. Гадес всегда недолюбливал ее, считая собственницей, не пожелавшей отпустить дочь. Но в этот момент он ее почти ненавидел.

Персефона — или Софи, как она сама себя называла — смутилась и не хотела разговаривать. Она желала как можно быстрее сбежать из клуба и от Гадеса, которого наверняка посчитала навязчивым. Ей бы это удалось, если бы не ее подруга. Гадес не запомнил имени восторженной блондинки, но она оказалась фанаткой группы «Стикс течет вспять». Благодаря ей Персефона не убежала сразу.

Но она молчала бóльшую часть времени, стоя рядом с подругой, которая щебетала о последнем аль-

боме и жаждала получить автограф. Конечно же, Гадес расписался на протянутом альбоме. А потом еще долго смотрел вслед девушкам, когда они выходили из зала. Он надеялся, чары Деметры дадут трещину, когда Персефона увидит его. Он надеялся, она обернется.

Она не обернулась.

И теперь Гадес сидел в почти пустом баре клуба, не зная, то ли ему попытаться напиться, то ли отыскать дом Персефоны и силой вернуть ее (в конце концов, это было бы не первое похищение жены за его долгое существование), то ли... Гадес не знал, что еще можно придумать.

Но понял, что все это придется отложить, потому что ощутил другое божественное присутствие рядом. И мгновение спустя ему на плечо опустилась рука:

— Аид, дружище!

— Я ненавижу это имя, — сухо ответил Гадес.

— Зато, не сомневаюсь, ты рад меня видеть!

— Привет, Амон.

Он уселся на барный стул рядом и заказал у бармена что-то прозрачное в низенькой стопке. Хрупкий, тонкий, он был похож на семнадцатилетнего мальчишку со встрепанными светлыми волосами. На входе у него наверняка проверили документы.

Пришедший бог осушил рюмку и потребовал еще. И только после этого посмотрел на Гадеса.

— Это твой клуб?

— С какой стати? Нет. У меня группа. Мы тут выступали.

— Серьезно? — Амон обернулся и с интересом окинул взглядом пустующую сейчас сцену. — А что так мелко?

— Зачем мне клуб?

— Не знаю, но это было бы вполне в твоём духе.

Гадес пожал плечами:

— У меня есть целое Подземное царство. К чему мне клуб?

— Для понта.

В ответ Гадес промолчал. Когда-то он, как и многие боги, развлекался тем, что обзаводился на земле всем, что только мог пожелать. И как прочим богам, ему это быстро наскучило. Когда можешь иметь все, обладание быстро становится бессмысленным.

К тому же на самом деле Гадесу всегда было нужно нечто совершенно иное..

— Я нашел ее.

В этот момент Амон как раз рассматривал стопку, решая, стоит ее осушить прямо сейчас или нет. Алкоголь на него действовал как на Гадеса — то есть почти никак. Что-то вроде пива для обычных людей.

После слов Гадеса Амон оторвался от созерцания рюмки и с любопытством посмотрел на него.

— Серьезно? Быстро в этот раз. Так вот почему ты здесь.

Гадес кивнул. Их с Персефоной связь всегда была чем-то необъяснимым даже для них самих. Но его тянуло туда, где рождалось и росло ее новое воплощение. И рано или поздно они встречались. Тогда срок Персефоны у Деметры заканчивался, и она снова уходила с Гадесом.

Но не в этот раз.

— Поздравляю, — сказал Амон. — И где же сейчас твоя темная принцесса?

— Дома, полагаю.

— М-м-м?

— Она меня не узнала.

Вот это заставило Амона сразу же забыть о выпивке. Он выпрямился на стуле и с нескрываемым удивлением посмотрел на Гадеса. Теперь была особенно заметна его необычная форма глаз, как будто слегка миндалевидных. Амону нравилось, когда

смертные гадали, откуда он может быть родом, кто его предки. Конечно, никто не угадывал в юноше древнеегипетского бога черного небесного пространства и покровителя Фив.

Он мог не появляться неделю или годы, но потом неизменно находил Гадеса и вел себя так, будто они расстались только вчера.

Впрочем, все боги были такими. Кроме Гадеса. Его вечность отсчитывалась в том числе перерождениями Персефоны. Амон мог сколько угодно иронизировать на эту тему, но знал обо всем лучше многих. Он всегда был другом Гадеса.

Поэтому сейчас сокрытый бог небес оказался искренне удивлен:

— Как это не узнала? Такое разве возможно?

— Как видишь.

— Я не вижу. Но ты расскажи.

И Гадес рассказал. Достаточно кратко, но не упуская деталей. За время его рассказа Амон успел выпить рюмку и взять еще одну.

— И что ты собираешься делать? — спросил он.

— Понятия не имею. Потребовать ответ у Деметры?

— Только спровоцируешь эту стерву. И ты прав, раз она такое провернула, ее кто-то поддерживает. Кто-то сильный. Твой брат не может?..

— Зевс не стал бы.

— Он всегда благоволил Деметре.

— Он благоволит каждой юбке! Но не стал бы раскачивать равновесие.

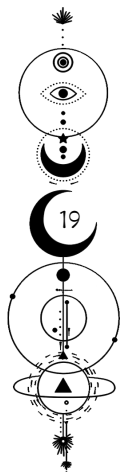
Амон многозначительно вздохнул.

— Тогда тебе остается только одно, — заключил он.

— Выкрасть Персефону?

— Дурень. Соблазнить ее.

— Что?

— Ну один же раз вышло.

— Тогда она не была против.

— Откуда ты знаешь, что теперь будет? — легкомысленно пожал плечами Амон. — Она ощутит то же притяжение, что и всегда. Тогда наверняка вспомнит. Только не пугай ее сразу, этот твой загробный пафос и вот это все... попробуй быть как человек. Она себя все-таки человеком считает.

Гадес не ответил. Он уставился на ровные ряды бутылок в баре, отсвечивающих мутными боками. Гадес давно жил среди людей, но никогда не думал, что всерьез может стать одним из них. Он даже напиться по-настоящему не в состоянии, какое соблазнение?

— Я не смогу, — сказал Гадес.

— Да ладно. Просто не пугай ее. Она заново в тебя влюбится и все вспомнит.

Амон явно хотел опрокинуть рюмку, но потом неожиданно посерьезнел.

— Вообще-то я здесь не просто так.

Вот оно что. Поэтому он так легкомысленно отнесся к возможному союзу Деметры с кем-то сильным. И не придавал значения потере памяти Персефоны. Амона беспокоило что-то другое.

Гадес вопросительно изогнул бровь:

— И?..

— Бальдр мертв.

— Ну он всегда был немного не в себе.

— Ты не понял, Гадес. Он действительно, взаправду мертв. Его убили.

— Невозможно убить бога.

— Все так думали.

Теперь Гадес вздернул обе брови. Бальдр был с Севера, да к тому же покровительствовал весне и свету, то есть друг для друга они были теми еще противоположностями. И не то чтобы друг друга ненавидели...

но недолюбливали достаточно, чтобы стараться не встречаться лишний раз.

Но невозможно убить бога. При смерти просто освобождается энергия, и требуется время, чтобы создать новое тело. Персефона единственная, кто в полном смысле слова перерождается.

Этот процесс шел тысячи лет. Ничто его не нарушало.

— Что произошло? — спросил Гадес.

Как и всегда, он оставался собран и задавал вопросы по существу. Амон бросил быстрый взгляд на бармена, но тот был далеко. До этого его не очень-то волновало, что услышит смертный, но теперь, похоже, информация становилась важной.

— Никто точно не знает. Но Бальдра убили. А его дух не высвободился. Он просто оказался уничтожен.

— Откуда известно, что он не исчез?

— Хель сказала. Она-то смыслит в таких вещах.

Ее Гадес знал отлично. Как и он, Хель заведовала умершими, но на Севере. Он не помнил сложных родственных связей в их пантеоне, но не сомневался, если богиня их загробного мира говорит, что Бальдр мертв, значит, он действительно мертв.

— Но как такое возможно?

Амон пожал плечами:

— Никто не знает. Один в ярости, он тоже не поверил, начал искать, а Хель обозвала его старым козлом и заявила, что она уверена, Бальдр исчез из этого мира. Совсем. До конца. Он никогда не вернется и не возродится. Он просто перестал существовать.

Последние слова Амона звучали особенно зловеще. Будь Гадес хоть чуточку более впечатлительным, у него по спине точно пробежали бы мурашки.

— Но самое страшное не это, — продолжил Амон. — Ходят слухи, такое происходит по всему миру. Кто-то убивает богов.

— Только не говори, что хочешь заняться поисками убийцы.

Амон пожал плечами:

— Сейчас каждый из нас будет пытаться провести расследование. Ты сможешь?

— Если смогу.

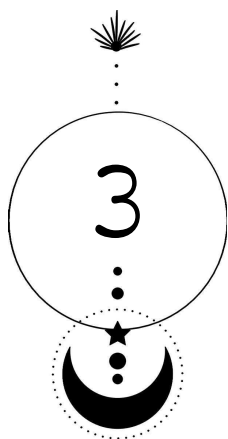
— Не волнуйся, я не помешаю соблазнению твоей Сеф. Тем более... на всякий случай приглядывай за ней. Она сейчас уязвима. И сам будь осторожен.

Гадес криво усмехнулся.

— Вряд ли кто-то окажется настолько глуп, что полезет к владыке Подземного царства.

— Бальдр тоже думал, что неуязвим.

— Разжигай костры, мой господин. Позволь дыму стелиться вдоль величественных вод Стикса. Вдоль моих позвонков.

Аид улыбается. Хищно, опасно, как будто готов перегрызть глотку любому, кто встанет у него на пути. Проводит рукой по обнаженной спине Персефоны, и она выгибается под его ладонью.

Ее постель усыпана весенними цветами вперемешку с маленькими человеческими косточками. Аид полагает, что это ужасно непрактично, но он склонен к символизму, а Персефоне просто нравится, когда красиво. Поэтому в первую ночь, когда она в новой жизни воссоединяется с мужем на их ложе, она просит усыпать постель цветами и костями. Которые, правда, все равно придется смахнуть на пол, чтобы не мешали.

Им обоим нравятся ритуалы. Что-то постоянное и неизменное. Напоминающее: что бы ни случилось, есть циклы и вещи, которые никто не в силах изменить. Аид всегда стремится к Персефоне, а Персефона хочет воссоединиться с мужем.

— Разжигай костры, мой господин, — шепчет она. — Пусть все знают, что я вернулась.

Он наклоняется так, что его дыхание щекочет ухо Персефоны. Улыбается, в словах перекачивается рычание хищника, опасного и неумолимого:

— А что будет делать моя госпожа?

Она переворачивается на спину, обнаженная, благоухающая сладковатыми цветами с могил.

— Надеюсь, ты скучал по мне.

Гибкий, страстный, он с рычанием приникает к ней.

Всю дорогу до дома Софи слушала восторженный щебет Хелен. Светлые волосы подруги растрепались, тесный корсет она сняла прямо в машине, ничуть не стесняясь того, что осталась в какой-то черной сетке, не скрывавшей темное белье. Софи совершенно всерьез опасалась, что они станут причиной аварии, потому что другие водители тарасили глаза на миниатюрную блондинку за рулем.

Сама же Хелен взглядов не замечала и говорила только о прошедшем концерте. По ее словам, группа сыграла все ее любимые песни. И дважды выходила на бис! Хелен отбивала ритм по рулю, пока они стояли на светофоре.

Но больше всего, конечно же, Хелен пришла в восторг от того, как Софи случайно познакомилась с вокалистом «Стикса» и что он нашел их в зале и взял номер Софи.

— Ты ему понравилась! — уверенно заявила Хелен. — Точно тебе говорю. Я видела, как он смотрел.

— Не сомневаюсь, он так смотрит на каждую девицу, которую хочет уложить в постель.

— Он не такой.

— С чего ты взяла?

— Читаю его соцсети.

Софи только фыркнула и отвернулась, а Хелен переключилась на водителя впереди, заявляя, что тот медленнее улитки на заднем дворе ее бабушки.

Софи же думала, что там, перед клубом, Гадес действительно не показался ей ни заносчивым, ни пытающимся ее очаровать. Он был на удивление... обычным. На сцене Гадес казался внушительным, но в жизни был всего на полголовы выше Софи. Собранный, подтянутый, с короткими темными волосами и несколькими маленькими сережками в левом ухе. Разговор тек так плавно, как будто они знали друг друга, как будто беседовали каждый день.

Хотя Софи не сомневалась, она впервые видела этого человека.

Когда Хелен в очередной раз начала щебетать о Гадесе, Софи не выдержала:

— Если он так тебе понравился, может, стоило дать ему твой телефон.

— А вдруг он любит только рыженьких? — вздохнула Хелен.

— Тебе лучше знать, ты за его соцсетями следишь.

Хелен не успела продолжить разговор, они остановились у дома Софи, и та побыстрее распрощалась с подругой.

Низенький забор действительно стоило подновить, а нарисованные на почтовом ящике звезды не были видны ночью. Поежившись от осеннего холода, Софи обхватила себя руками и по дорожке заторопилась к освещенному крыльцу. Она слышала, как за спиной отъехала машина Хелен, и пригородный район снова погрузился в привычную тишину, нарушаемую пением какой-то ночной птицы. Софи в них совершенно не разбиралась.

Дом окутывал теплом и запахом выпечки — похоже, мать снова готовила, ожидая возвращения Софи. Она никогда не ложилась спать, пока та не приходила.

Сняв ботинки в прихожей и повесив куртку на крючок в виде латунной виноградной лозы, Софи провела рукой по чуть растрепавшимся рыжим ко-

сам, приводя себя в порядок, а потом прошла в гостиную.

— Мам? Я вернулась.

Она сидела в кресле, в углу комнаты, среди пушистых ковров и маленьких диванов, в мягком свете торшера в стиле ар-деко. Длинные волосы собраны в косу, перекинутую на грудь, пряди цвета спелой пшеницы легли на ткань скромного платья в мелкий цветочек. Заложив пальцем книгу, которую читала, мать строго посмотрела на Софи:

— Ты сегодня поздно.

— Полуночи нет!

— Могла позвонить.

— Мам, я уже не маленькая.

— Если тебе исполнилось восемнадцать, это еще не значит, что ты стала взрослой.

Не выдержав, Софи закатила глаза, что не укрылось от матери.

— Дорогая, я просто о тебе волнуюсь. Время беспокойное, а ты разгуливаешь в таком виде поздно ночью.

— Это нормальный вид. И еще не поздно.

— Я надеюсь, в следующий раз ты позвонишь.

— Прекрати.

— Нет. Это ты прекрати. — Голос матери растерял мягкость, тут же став твердым, почти грозным. В нем звучали бури и ливни. — Я не позволю тебе шататься непонятно где непонятно с кем.

Софи знала, что если не хочет опять ругаться, то лучше промолчать. Тем более мать тут же прекратила бушевать и миролюбиво спросила, как прошел концерт. Как будто она слушала хоть что-то из того, что нравилось Софи, и могла поддержать разговор. Поэтому Софи выдала короткий сухой рассказ, который мать молча выслушала.

Хотя, разумеется, Софи не стала говорить, как вокалист «Стикса» попросил ее номер телефона. Еще

жив был в памяти скандал, который закатила мать, узнав о школьном ухажере Софи.

Но на следующий день Софи возвращалась мыслями к тому, что ее номер есть у человека по имени Гадес. И хотя она бы ни за что в этом не призналась, но куда чаще, чем обычно, проверяла телефон. Он хранил молчание всю первую половину субботы.

Гадес позвонил, когда Софи была в оранжерее. Срезала тонкие стебельки трав для матери. На самом деле то, что называли оранжереей, представляло собой всего лишь пристройку рядом с домом, не больше обычного сарая, но с огромными окнами и стеклянным потолком, чтобы на растения падало солнце. Внутри было не развернуться, Софи едва могла сделать два шага в сторону от двери.

Телефон в кармане завибрировал, когда в руке лежало пять упругих стебельков, которые требовались матери. Оставив инструменты, Софи достала телефон и, увидев незнакомый номер, не могла не подумать, что это Гадес. Поэтому не стала выходить из оранжереи — ей вовсе не хотелось, чтобы мать услышала разговор.

— Да.

— Здравствуй. Это Гадес. Надеюсь, ты меня помнишь.

Короткий смешок на той стороне — Софи не понимала его причины, но невольно улыбнулась в ответ:

— Я знаю твой голос.

— О?..

— Слышала много песен.

— О, — повторил Гадес. — Я рад. Может, у тебя будет свободный вечер? Я бы с удовольствием прогулялся и угостил тебя кофе.

Он замялся и негромко добавил:

— Если ты не против.

Софи заметила мать, подошедшую к окну в доме и глянувшую на нее. Словно забеспокоилась, почему дочери нет так долго. Софи махнула ей рукой, указывая на телефон, и отвернулась. Как будто если будет стоять лицом, мать может услышать слова.

Теперь надо ответить. Просто ответить и ничего не испортить.

— Я не против.

— Когда ты свободна?

Ей хотелось сказать, что сейчас. Выходной день, который она обещала провести с матерью, помогая ей, и в который предпочла бы оказаться в другом месте.

— М-м-м, — замялась Софи.

— А что ты делаешь сегодня?

— Сушу с матерью травы, — честно ответила Софи. И тут же выпалила: — Но если ты спасешь меня от этого занятия, я буду очень рада!

Он рассмеялся. Софи невольно зажмурилась от этого смеха... Ощущение, как будто проводишь ладонью по бархату. Как будто гладишь кошку, на миг втянувшую когти.

— Когда за тобой заехать?

Софи растерялась. Заехать? Ей почему-то представилось, что такой человек, как Гадес, наверняка ездит на мотоцикле, а Софи ни разу на нем даже не сидела. Зато видела, как в фильмах у девушек на мотоциклах развевались юбки... а сами они тесно прижимались к мужчинам.

— Через час.

— Где встретимся?

Сначала Софи не поняла, почему не у дома, но потом решила, что ей и самой совсем не хочется объясняться с матерью. Поэтому попросила подождать ее в начале улицы. Гадес согласился и тут же повесил трубку. А Софи еще несколько секунд стояла, убрав телефон и перебирая в руках стебли травы.

Она действительно согласилась. Сделала такую глупость. Но потом Софи подняла голову и улыбнулась. Она не жалела. И вернувшись в дом, легко соврала матери, что позвонила Хелен, которая рассталась с очередным ухажером и хочет встретиться за молочным коктейлем обсудить эту новость.

— Только возвращайся не поздно, — сказала мать, поджав губы.

Большую часть времени Софи провела перед шкафом, примеряя то одно, то другое. Нарядиться казалось странным, да и мать могла что-нибудь заподозрить. Но джинсы после вычурности наряда для клуба представлялись слишком... обычными. И Софи поймала себя на мысли, что просто не хочет их надевать.

Поэтому она выбрала короткую черную юбку и простую кофту с завязками. Потом вспомнила о мотоцикле и сменила юбку на черные штаны, которые заправила в высокие ботинки. Софи как раз успела накраситься и в третий раз сменить прическу (в итоге просто распустив длинные рыжие волосы), когда подошло назначенное время. Закинув за спину рюкзачок с заклепками, Софи постаралась спуститься вниз как ни в чем не бывало, попрощаться с матерью и не слишком торопиться, идя к началу улицы.

Она сохраняла спокойствие, но, когда издалека увидела фигуру Гадеса, приложила все усилия, чтобы не ускорить шаг и не улыбнуться ему.

Он снова был в черном, и этот цвет ему очень шел. Гадес стоял, небрежно облокотившись на машину — тоже черную. Он поздоровался сухо, но сам улыбнулся ей, открывая дверцу со стороны пассажирского сиденья. И Софи, не задумываясь, нырнула внутрь.

В салоне пахло чем-то смолистым, а еще сладковатыми цветами.

— Мне представлялось, что у тебя мотоцикл, — усмехнулась Софи, когда Гадес уселся рядом.

Он вскинул брови.

— Ты никогда... мне казалось, ты не любишь скорость. И открытые салоны.

— Просто не пробовала.

Взгляд Гадеса был таким пристальным, что, продлись он еще хоть миг, Софи почувствовала бы себя неуютно. Но Гадес отвернулся, заводя машину, и спросил:

— Как насчет прогулки? А потом я угощу тебя кофе.

— Предпочитаю чай.

— Ежевичный, — улыбнулся он.

Софи невольно вздрогнула: она действительно любила чай с листьями ежевики и поразилась, как Гадес мог угадать. Или он сам его любит?

Они гуляли несколько часов. Сначала по мощеным дорожкам парка среди пожелтевших деревьев, а потом по городу, где жухлая листва липла к мокрому асфальту. Софи рассказывала о себе, о работе матери и о маленькой оранжерее, в которой сама так любила бывать. Гадес оставался вежлив, но немногословен, и когда они заходили в уютное кафе, Софи внезапно поняла, что до сих пор ничего о нем не знает, кроме того, что он играет в группе и живет с собакой где-то в небольшой квартирке.

А еще Гадес оказался единственным, кто не спросил Софи о планах на будущее.

Она поступала в колледж в следующем году, очень гордилась этим и за последние годы привыкла, что любимый вопрос окружающих — кем ты собираешься стать.

Гадес не спрашивал. Как будто знал... или не хотел знать.

— Что за место? — с любопытством спросила Софи, оглядывая стены с постерами рок-музыкантов.

На улице уже стемнело, а приглушенный свет создавал в помещении уютную атмосферу.

— Кафе моего знакомого.

— Какие у тебя интересные друзья.

— Ты подождешь? Я хочу найти его и перекинуться парой слов. Делай заказ.

Софи кивнула и даже не успела заметить тот момент, когда Гадес исчез — видимо, за дверью служебного помещения. Улыбающаяся официантка тут же приняла заказ. Оставшись в одиночестве, Софи достала телефон проверить, но никаких звонков или сообщений не обнаружилось, так что оставалось только облегченно вздохнуть. У матери клиент этим вечером, и Софи отлично помнила миссис Эриксон. Каждый раз она приходила с паранойей, что муж хочет ее отравить — но почему-то все еще не сделал этого за двадцать лет брака. Миссис Эриксон подолгу пила чай с матерью, а потом та не меньше времени делала ей расклады на Таро — на мужа и любовника, роман с которым тоже длился лет пять без всяких изменений.

И все же Софи поставила телефон на беззвучный режим: ей не хотелось, чтобы мать помешала. Ожидая Гадеса и чай, Софи с интересом рассматривала салфетки с бледной картинкой стилизованного музыканта, приветственно поднявшего руку. Откуда-то из-под потолка лилась приглушенная мелодия рок-баллады, а за стеклом большого окна, около которого сидела Софи, были хорошо видны теплые огни машин и ярких фонарей на улице.

Ей нравилась ее жизнь. Нравился уютный домик, в котором пахло травами и благовониями, комната с постерами и гирляндой под потолком, школа и выпускной класс, ее друзья и блокноты, в которых она рисовала нелепых зверушек.

Но почти всегда у Софи оставалось ощущение, что чего-то не хватает. Как будто она сама — неполная.

Словно есть что-то большее, по чему она тоскует, но даже не может назвать. И эта часть ее успокаивалась, когда она в одиночестве брела по темной улице, даже рискуя нарваться на ворчание матери из-за позднего возвращения. Или в полумраке своей комнаты, под мерцание гирлянды, слушала мрачноватую музыку, устроившись на сбитой постели и рисуя у зверушек клыки и когти.

Мать не любила такие картинки. Ей не нравились готические романы Софи, и уж точно она была против музыки, которую предпочитала дочь. Но Софи просто научилась... лавировать. Показывать матери только то, что та хотела видеть.

И продолжать в глубине души тосковать о чем-то невыразимом, чему даже не могла подобрать определения. Ощущение на грани узнавания.

Глупости, как говорила мать. Все это просто глупости подросткового возраста.

Но сейчас, теребя салфетку с силуэтом музыканта, Софи вдруг поняла, что этим вечером ощущала себя уютно. Цельной и законченной. Может, именно поэтому она согласилась на встречу с Гадесом — абсолютно незнакомым ей человеком. Софи ведь никогда раньше так не поступала. А может, работало его мрачноватое обаяние, с помощью которого — Софи это с горечью признавала — музыкант наверняка соблазнял восторженных девиц. И все же Софи не жалела о вечере.

Гадес появился неожиданно, одним плавным движением усаживаясь напротив Софи, как будто тьма перетекла из угла за стол. Чуть нахмуренные брови — что-то его беспокоило — и глаза, казавшиеся в полумраке черными. Но Софи он только сказал:

— Извини, что заставил ждать.

Она неопределенно пожала плечами.

Сейчас Гадес больше чем когда-либо напоминал хищника. Собранного, стремительного и опасного.

Не того, который нервно выпускает когти, а того, который застыл, подергивая кончиком хвоста, выжидая удобный момент, чтобы сделать всего одно движение и впиться жертве в горло.

Софи даже не представляла, кто может держать это кафе и что он такого сказал Гадесу. Но тот явно не собирался ей ничего рассказывать, а когда принесли чай и кофе, только приподнял одну бровь:

— Ты не взяла пирожное?

— Не хотела, — Софи опустила голову и не стала признаваться, что постеснялась.

— Тебе стоит поесть. Но если не хочешь, я не настаиваю.

— Я люблю сладкое.

Гадес кивнул, как будто и так это знал. Как будто потому и удивился. Но в следующий момент уже спросил, как Софи кафе, и вновь завязалась неприужденная беседа. Слово когтистая тьма, готовая к обороне и нападению, исчезла, убралась на дно его черных глаз.

Они появились, когда Софи допивала вторую чашку ежевичного чая, а кофе Гадеса почти закончился. Остановились около их столика, со стороны прохода, мужчина и женщина, оба высокие, темноволосые, в пальто. Шею незнакомки украшал большой уютный шарф, женщина казалась спокойнее своего спутника.

Возможно, мужчина выглядел угрожающим, потому что его первыми словами, обращенными к Гадесу, были:

— Бессмертный блюдонок.

— И я рад тебя видеть, — спокойно ответил Гадес. — Рад, что кое-что никогда не меняется. Например, твоя вежливость.

— Ты мог сообщить мне о том, что происходит.

— Ты не оставил номер телефона, когда сменил его в последний раз.

Незнакомец явно хотел сказать что-то еще, судя по его выражению лица, такое же резкое, но женщина мягко коснулась его руки, успокаивая. И огонь того сразу поугас до тлеющих углей.

— Нам надо поговорить.

Как ни странно, Гадес не стал возражать и кивнул. А потом поднялся, таким же плавным, неуловимым движением — как двигаются тени, когда замечаешь их краем глаза. Незнакомец уставился на Софи, и она даже в полумраке увидела, что его кожа смуглого, почти необыкновенного золотистого оттенка, а во всем лице есть что-то яростное и... нездешнее.

— А кто твоя очаровательная спутница? Похоже, ты сам забыл о вежливости и не представил нас.

— Софи. Сет.

Софи не удержалась и в удивлении вскинула брови. Она знала египетскую мифологию и отметила, что незнакомцу удивительно подходит имя бога хаоса, ярости и разрушений. Но они с Гадесом что, специально друг друга нашли по именам?

— Это его жена, Неф.

Не объясняя ничего больше, Гадес кивнул Сету, и оба вышли на улицу. Сквозь окно Софи могла видеть, как Сет достал из кармана пачку сигарет, закурил и начал что-то с жаром говорить, пока Гадес стоял, сунув руки в карманы, и задумчиво смотрел на дорогу и проезжающие мимо машины.

— У мальчиков свои заботы.

Неф уселась напротив Софи, на место Гадеса, и подмигнула, чем сразу же расположила к себе. Она не стала снимать свой огромный шарф, заглянула в чашку Гадеса и сморщила нос:

— Как он пьет эту гадость?

— Может, чаю? — растерялась Софи.

Неф покачала головой.

— Прости, что испортили ваше свидание. Но если Сет решил, что надо встретиться, спорить с ним бесполезно.

— Он выглядит... грозно.

— О, ты еще не видела его в гневе.

И Софи показалось, что в голосе Неф прозвучало что-то мечтательное, как будто она восхищалась этим состоянием мужа. Она еще продолжила говорить о чем-то незначительном, вроде кофе и чая, рассказывая, что самый лучший — это черный, такой горячий, что может обжечь губы.

А потом внезапно нахмурилась:

— Ты мне напоминаешь кое-кого, но... я ничего не чувствую.

Она не успела продолжить мысль, даже если собиралась, — входная дверь хлопнула, и вскоре рядом со столом снова появились Гадес и Сет. Последний держал в опущенной руке телефон, и Софи показалось, что его лицо стало бледнее, чем было.

— Амон пропал, — негромко сказал он.

Вряд ли это было настоящее имя, но Неф явно поняла, о ком речь, потому что ее глаза округлились:

— Надо отыскать.

Сет кивнул и, хотя обращался к Гадесу, смотрел в этот момент на Софи:

— Отвези ее домой.

— С нами безопаснее.

— Ей-то чего бояться? И...

Внезапно Сет осекся. Внимательно посмотрел на Софи, от чего ей стало совсем неудобно. А потом ошарашенно прошептал что-то на языке, которого Софи не знала — но могла поспорить, что это ругательства.

— Софи, — обратился к ней Гадес, — наш друг пропал, и ему нужна помощь. Прямо сейчас. Ты можешь поехать с нами. Или я отвезу тебя домой.

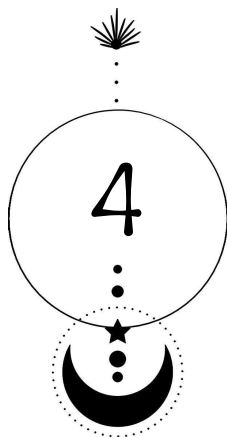
Она не могла понять спокойное выражение его лица, как будто Гадес тщательно скрыл, чего хочет сам, и предоставил выбор Софи. Ровная обсидиановая поверхность эмоций.

Но когда Гадес протянул руку, Софи уже знала, что ответит. Не сомневалась, что сегодня — возможно, впервые в жизни — стоит спустить с поводка ту необузданную и жаждущую часть себя, которая так не нравилась матери.

Маленькая ладошка Софи легла на теплые пальцы Гадеса.

— Я с вами.

Благоухающие розы в его руках.

Цветущая смерть на кончиках ее пальцев.

Персефона сидит в кованой беседке и проводит руками по холодному металлу завитков. Беседку она любит, а вот ждать — ненавидит. И вслушивается в размеренный плеск Стикса у ступенек. Но ждет другого звука.

Едва слышных шагов сквозь туман и морось, по выглаженной, будто стекло, черной гальке на берегу. Персефона покидает беседку и подходит к ступеням, чтобы встретить мужа.

Аид идет темным облаком, сгустком холодной ярости. Он не скрывает эмоций дома и тем более рядом с женой.

— Что случилось? — спрашивает она.

Остановившись у ступенек, Аид поднимает голову. Его глаза темны, как бездна между ударами человеческого сердца, на лице спокойная ярость, которая обещает врагам все что угодно, кроме милосердия.

— Люди, — коротко бросает он. — Амон опять с ними что-то не поделил.

Персефона с трудом сдерживается, чтобы не закатыть глаза. Амон всегда был и остается маль-

чишкой, даром что тоже бессмертное божество. Но иногда до сих пор не понимает мира людей.

Больше всего Персефоне хочется, чтобы Аид вернулся к ней, пил ежевичный чай, заваренный на воде из Стикса.

И она знает, что, если попросит, муж подчинится ее желаниям. Но еще знает, что сам он хочет иного.

Поэтому Персефона говорит:

— Помоги ему.

Уже сев в машину Гадеса, Софи запоздало задумалась, не совершает ли она ошибку. В конце концов, она знала Гадеса едва ли день, а Сета с Неф видела впервые в жизни. В голове сразу всплыли все разговоры матери о том, что не стоит доверять незнакомцам.

Но вечерние городские огни тепло светили за окнами машины, а экзотический восточный парфюм Неф удивительно вплетался в терпковатый запах салона. И Софи не чувствовала, что что-то неправильно.

Она уселась на заднее сиденье, рядом устроилась Неф, тут же размотав свой шарф, и Софи с удивлением заметила, что под пальто у нее что-то блестящее. Сет уселся рядом с Гадесом, но тот не спешил заводить машину.

— Когда он исчез?

Софи опасалась сама задавать вопросы, но, слушая чужие, была готова впитывать информацию. И сейчас вместе с Гадесом ожидала ответа Сета.

Тот пожал плечами:

— Я не могу до него дозвониться. Последние часа три.

— Это Амон. Он мог вообще телефон потерять.

— Мог. Но что-то не так. Я просто... знаю.

Звучало, на взгляд Софи, дико, но, к ее удивлению, Гадес кивнул и наконец-то завел машину.

— Я в курсе, где он остановился.

В этот момент Софи поняла, что даже не представляет, куда они поедут. Она с опаской косилась за окно, где расцветал огнями и неоном Лондон, но пока что узнавала районы. Они как раз оставили позади городской центр, когда Сет негромко сказал:

— Думаешь, все плохо?

Софи заметила нервный, как ей показалось, взгляд Неф, но Гадес оставался спокоен и смотрел на дорогу.

— Увидим, — коротко ответил он. — Если бы Амон был мертв, ты бы почувствовал?

— Не знаю. Возможно. Хотя сомневаюсь.

По спине Софи невольно пробежал холодок. Она подумала, что, возможно, бояться этим вечером стоило, но отнюдь не тех, кто ехал с ней в машине.

Но дальше Сет сказал то, что Софи уже совершенно не поняла.

— Ты знаешь мои методы. Ты — смерть, но я — огонь.

— Ты — хаос и буря. Но я не хочу за тобой убирать.

Сет пробормотал что-то в ответ, но Софи не слышала что, да и не была уверена, что действительно хочет знать. Происходящее казалось ей все более странным. Возможно, все куда проще и прозаичнее, а она просто не понимает половины сказанного — может, это шифр или речь идет о какой-то игре.

Хотя в глубине души Софи осознавала, что это не так.

На улице начал накрапывать дождь, оседая на окнах машины, превращая ночные огни в световые пятна, а другие автомобили — в размытые силуэты. Мир казался тем же самым, но будто приобрел невнятную тревожность, которую она ощущала. Горчинку на кончике языка. Зуд на подушечках пальцев.

По крайней мере себе-то Софи могла признаться, что ей попросту страшно.

Она не знала район, в котором оказалась машина, остановившись напротив здания с широким крыльцом и каким-то пафосным нечитаемым названием, написанным каллиграфическим шрифтом. Отель.

Все вышли молча, но Гадес не торопился что-то делать, а достал сигареты и медленно закурил. Сет к нему присоединился, мрачный и молчаливый. Неф стояла рядом, просто кутаясь в свой огромный шарф.

Софи видела, что и Неф, и Сет смотрят на Гадеса. Как будто ждут его отмашки, а он... Софи казалось, тот к чему-то прислушивается. Чуть нахмутив брови, глядя перед собой, но словно ничего не видя. Подобный отстраненный взгляд появлялся у него и на сцене, но сейчас было иначе, словно Гадес заглядывал не внутрь себя, а смотрел вокруг.

Он затушил сигарету, рассеянно убрал окурочек и провел по волосам, стряхивая с них мелкие капли осевшей влаги. И в этом жесте было что-то почти мальчишеское, что-то очень... простое.

На той стороне влажной дороги, у отеля, показалась собака. Софи моргнула, но большой доберман со ступенек не исчез. Пес спокойно стоял и смотрел на них.

— Он внутри, — сказал Гадес. — Пошли.

Он кинул быстрый взгляд на Софи, но не попросил остаться, и она была рада. Одинокая машина под накрапывающим дождем казалась сейчас более зловещей, чем освещенный отель.

Собака отошла в сторону, когда они приблизились, но Софи с удивлением увидела, как проходящий мимо Гадес потрепал добермана по голове. Пес высунул язык и завилял хвостом. Но внутрь отеля не пошел.

— Ты знаешь собаку? — не удержалась Софи, поравнявшись с Гадесом, пока они проходили через крутящиеся двери.

— Это мой пес.

— Что он здесь делает?

Гадес посмотрел на нее, но теперь Софи невольно задрожала: в этом мазнувшем по ней взгляде уже не было ничего мальчишеского. Как будто Софи поймала отражение бездны в зеркале.

— Вопросы потом, — сказал Гадес. — Ты пошла по доброй воле. И еще можешь вернуться в машину.

Софи упрямо сжала губы и больше ничего не спрашивала. Вот уж нет, она не выставит себя девчонкой с неумным любопытством! Она может держать себя в руках не хуже, чем эти люди!

Неф подошла к стойке регистрации что-то уточнить, а Сет прошипел:

— Что ты удумал?

Гадес посмотрел на него тем же взглядом. Но Сет, в отличие от Софи, молчать не собирался:

— Я чувствую, как ты выпускаешь силу. Хочешь тут все разнести? Там что-то есть? Нам бы тоже неплохо знать, что увидел твой пес! Знать, к чему готовиться.

— Все спокойно. Но я не хочу рисковать.

Казалось, Сет чуть не задохнулся от возмущения, покосился на Софи, а потом спросил:

— Это ею ты не хочешь рисковать? А нами можно, не предупреждая, с чем столкнемся?

— Ничего вам не грозит.

Что-то было в его голосе, равнодушном и холодном... Софи подумала, что им ничего не грозит не потому, что опасности нет, а потому, что ее сдержат.

Когда они вчетвером оказались в кабинке лифта, несущейся наверх, Софи наконец-то поняла причину этого ощущения. Ей как будто было тесно, словно не хватало воздуха. Она прислонилась спиной к зеркальной поверхности задней стенки и краем глаза заметила, что Сет и Неф сделали то же самое.

А перед сомкнутыми дверцами стоял Гадес, и его невидимая сила словно размазывала остальных по зеркалам, тонким слоем по внутренней поверхности лифта. Софи не видела, чтобы что-то изменилось, но ощущала это в самом воздухе.

Когда Гадес вышел из распахнувшегося лифта, его шаги, скрадываемые пушистым алым ковром, не были шагами хищника. Это была плавная походка самой смерти. Бесшумная, вкрадчивая и убийственная. Его шаги — последний шелест, который ты услышишь в жизни.

Ничего не изменилось в облике Гадеса. Он просто шел вперед, а Софи старалась держаться поближе к Сету и Неф. Но Гадес шагал неумолимо, и Софи не сомневалась: если бы кто-то попался им на пути, кости несчастного могли превратиться в пыль от одного взгляда.

Гадес толкнул дверь номера, но она оказалась заперта. Он даже не остановился, просто сделал едва уловимое движение рукой, и замок вместе с ручкой прахом осыпался на ковер.

Софи ойкнула. И прежде чем прошмыгнуть в номер за остальными, пригляделась к пыли на ковре и невольно провела пальцами по двери — в том месте, где теперь осталась аккуратная дыра.

Неф уже зажгла свет, Сет вполголоса ругался, но Гадес молчал, и это пугало Софи больше всего остального — до того момента, пока она не увидела, что посреди комнаты на ковре лежит юноша.

Он казался совсем юным. Босой, в одних джинсах, рубашка небрежно валялась в кресле — как будто он собирался в душ или переодевался, но что-то его отвлекло. На фоне грязно-серого ковра юноша выглядел особенно бледным.

— Он жив? — спросила Неф негромко, ее голос дрожал.

Но Гадес не торопился проверять. Он огляделся, и, Софи была готова поклясться, тени в углах зашевелились. Сет уже опустился возле юноши на колени, касаясь его кончиками пальцев, что-то шепча, хотя Софи не могла разобрать ни слова.

Вскинув голову, Сет посмотрел на все еще недвижимого Гадеса:

— Помоги ему!

Не отвечая, тот тоже опустился на колени перед юношей, который, видимо, и был Амоном. Теперь они сидели по обе стороны от него, и Софи хорошо видела, что происходит.

Гадес просто запустил руку в грудную клетку Амона. Как будто не было кожи и ребер, а рука Гадеса — всего лишь туман, иллюзия. Но Софи отчетливо видела, как ладонь погрузилась внутрь... в полной тишине, густой, застывшей в маленьком гостиничном номере.

— Позови его, — глухо сказал Гадес, и в его голосе шелестел пепел сгоревших городов и скрежетали осколки костей.

Софи не сразу поняла, что обращается он вовсе не к Сету, а к Неф, стоявшей позади.

И она позвала.

Софи не была уверена, что Неф сказала «Амон», но не сомневалась, что напевные сочетания звуков именно звали. Откуда-то с изнанки, из пространства под поверхностью мира.

Амон закашлялся. И сел на полу в тот момент, как Гадес убрал руку.

— Какого хрена? — были его первые слова. — Я что, умер?

— Нет, — ответил Сет.

Но Софи показалось, в его ответе звучат вопросительные интонации. Да и посмотрел Сет на Гадеса, будто ожидая подтверждения, что и правда никто не

умер. Но тот одним текучим движением поднялся на ноги и отошел в часть комнаты, что еще скрывалась в тенях. Облокотился на стол, его плечи поникли, у Софи возникло ощущение... как в листопад, когда под сильными порывами ветра листва опадает вниз, устилая землю. Так и ощущение сковывающей, мешающей дышать силы исчезало, впитывалось в ковер, стекая все ниже и ниже.

Сет что-то говорил Амону, Неф тоже опустилась на пол рядом с ними, но Софи была здесь чужой. И она подошла к единственному, кого знала в этой комнате чуть лучше, чем остальных.

Софи уважала чужое личное пространство и считала, что не стоит трогать человека, пока он сам этого не разрешил. Но сейчас она даже не задумалась, коснувшись кончиками пальцев обтянутой черной рубашкой спины Гадеса.

Он ощутимо вздрогнул, а Софи показалось, даже сквозь ткань, что его тело слишком горячее. Выпрямившись, Гадес обернулся, но теперь его взгляд был просто спокойным, а не равнодушным, в нем не плескалась бездна.

— Стоило отвезти тебя домой, — сказал он.

Софи не успела ответить, потому что не отличавшийся терпением Сет тут же спросил:

— Не хочешь объяснить, что это было? Он умирал?

Гадес кивнул:

— Что-то вроде того. Амона оставили умирать, и он не смог бы возродиться, должен был просто исчезнуть. Мы пришли вовремя.

— Что это было? Какой-то яд?

Гадес смотрел на Сета спокойно, не опуская взгляда. И негромко сказал:

— Ты просто хочешь, чтобы я подтвердил то, что ты знаешь и без меня? Убить бога может только другой бог.

Разговоры про богов показались бы Софи сущим бредом, но еще она чувствовала, как стоят дыбом волоски на коже, будто наэлектризованные. Неф сидела на диване, Амон успел подняться с пола и накинуть рубашку. Застегивая ее, он смущенно улыбнулся Софи:

— Наверное, эти придурки тебя напугали? Не бойся.

Софи ахнула:

— Они говорят, ты чуть не умер! А беспокоишься обо мне?

— Ты же одна из нас, — пожал плечами Амон. — Я беспокоюсь о своих.

Софи не поняла фразы, но от нее не укрылось, что Амон бросил быстрый взгляд на Гадеса. Тот промолчал. Только Сет вновь не утерпел:

— Давайте уберемся отсюда. Просто на всякий случай. И поговорим где-нибудь в безопасном месте.

Все согласились, а спускаясь вниз в лифте, уже не жались к стенкам. Пока они ехали, Софи, только потому, что стояла рядом, услышала, как Амон громко сказал Гадесу:

— Я тебя почувствовал.

— Когда мы с Неф вытащили тебя обратно? — Гадес приподнял бровь. — Не дали раствориться и снова привязали к этому телу?

— Нет. Когда ты шел. Мог хоть немного... поумерить силу.

— Я не знал, с чем мы столкнемся.

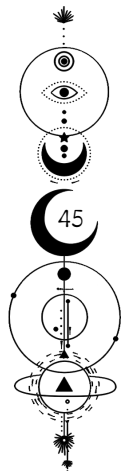
Амон невольно поежился, а потом вздохнул:

— Спасибо.

— Это Сет поднял тревогу, — ответил Гадес. — Мы пошли за ним.

— Ага, — неопределенно откликнулся Амон.

На улице Софи огляделась в поисках добермана, но не увидела его. А потом пес словно соткался из те-

ней рядом с машиной, когда они подошли. Но садиться в теплый салон никто не спешил даже несмотря на морось. Гадес снова закурил, держа в одной руке сигарету, а другой глядя между ушей собаку.

Сет повернулся к Амону:

— Что произошло?

Тот кутался в пальто, и Неф даже отдала ему свой шарф, но казалось, он все равно мерзнет.

— Ничем не смогу помочь. — Он виновато развел руками. — Я ничего не помню.

— Совсем? — уточнил Сет. — Кто это был? Что произошло?

Но Амон снова покачал головой, и Сет вздохнул, не скрывая разочарования и раздражения.

Оставшись без шарфа, Неф стояла, обхватив себя руками и задумчиво прикусывая нижнюю губу. Дождь ей не шел, в отличие от Гадеса: капли прибывали ее великолепные черные волосы, а на темной коже казались некрасивой масляной пленкой.

— Я не понимаю, почему Амон, — призналась она. — Мы тоже в городе. Ты, Гадес, знаю, некоторые другие...

— Он был один? — предположил Сет.

— Во всем мире сотни богов, — возразила Неф. — Но стоило Амону приехать в Лондон, и именно он именно здесь стал целью. Почему?

— Случайность?

— Не верю я в них.

На какой-то момент Софи потеряла нить разговора. Еще спускаясь в лифте, она ощутила тупую головную боль где-то в затылке, и сейчас на какое-то мгновение она стала совсем нестерпимой, заслонив собой даже холод и неуютный промозглый дождь.

Но в следующий момент она увидела, как на машину навалился Гадес, как будто пытался удержаться на ногах, и сразу позабыла о собственной боли:

— Гадес? Что с тобой?

Он швырнул недокуренную сигарету в лужу и повернулся к остальным:

— Что-то в Подземном царстве. Меня зовут. Я должен ответить.

Доберман у его ног заскулил, но, когда все усаживались в машину, уже исчез.

— А как же пес? — ахнула Софи.

— Доберется сам, — отрезал Гадес.

Он хотел сесть на водительское сиденье, но замер, и только сжимающая дверцу рука с побелевшими костяшками пальцев выдавала его напряжение.

Амон это тут же заметил:

— Э, нет, садись назад. Сет! За руль. Нефтида — рядом с Сетом.

Они втроем устроились на заднем сиденье, и, к удивлению Софи, Гадес не возражал. Он сел между Амоном и Софи, и какое-то время, пока они ехали, ее внимание было сосредоточено только на своей ноге, касавшейся колена Гадеса. Софи никак не могла решить, уместно ли это или стоит потесниться.

А потом Гадес согнулся от боли, и остальное стало неважным.

Софи не знала, что делать, но Амон уверенно положил руку на спину Гадеса.

— Эй, мы скоро приедем.

Потом вскинул голову и почти прорычал Сету:

— Гони!

Тот глянул в зеркало на Амона:

— Это нормально? Что так происходит?

— Конечно, нет! Это категорически, абсолютно ненормально. И еще это значит, что ему надо как можно быстрее попасть в Подземный мир. Гони уже!

Софи перестала понимать, что происходит, не знала, куда они несутся сквозь ночь и размытые дождем огни. Она только видела бисеринки пота на скулах

Гадеса, когда тот выпрямился, откидываясь на сиденье. Он молчал, но Софи знала, что он чувствует. Ощущала собственную глухую, пульсирующую боль в затылке.

Они приехали в обычный район на окраине, к стандартному многоквартирному дому. Амон помог Гадесу выбраться из машины и решительно двинулся вперед. Сет и Нефтида следовали за ними. Ничего иного не оставалось и Софи.

Она почему-то думала, что квартира Гадеса должна располагаться едва ли не в подвале, быть заваленной каким-то хламом и не иметь окон.

Все оказалось почти наоборот. Они поднялись под крышу, в квартире было всего несколько комнат, но каждая просторная и чистая. В первый момент Софи подумала, что это порядок жилища, где редко бывают, но потом поняла, что обычная аккуратность. На ее взгляд, не хватало каких-нибудь постеров на стенах или картин.

Только на столе Софи заметила простую высокую вазу, в которой стояли сухие цветы. Почему-то это удивило больше, чем все остальное: ей казалось, Гадес не тот человек, который будет держать цветы. Пусть даже сухие.

Гадес выпрямился и отстранился от Амона. Молча, но посмотрел так, что Амон кивнул, явно понимая, чего тот хочет. А из комнаты вынырнул доберман, нетерпеливо крутясь под ногами, и Софи не сомневалась, это та же самая собака, которая была на улице.

И то, что пес явился изнутри квартиры, убедило ее, что происходит что-то странное. Больше, чем Гадес, в гостиничном номере запускающий руку в грудную клетку Амона.

Больше, чем сияющий силуэт двери, возникший прямо в коридоре. Куда, не задумываясь, шагнул Гадес, мгновенно исчезнув.

Софи подошла к этому месту и провела рукой по обоям: обычная стена, никакого намека на дверь или проход.

— Куда он делся? — спросила она, понимая, что вопрос звучит крайне глупо.

— В Подземный мир, — резковато ответил Сет. — Ты еще не поняла? Наши имена — не просто имена. Аид сейчас где-то там. Он может попасть туда только через дверь в своем доме. Честно говоря, не знаю деталей, сама у него спросишь. Если он захочет ответить.

Софи слышала, что на кухне уже вовсю гремит посуда — похоже, Нефтида быстро сориентировалась. Сет пошел к жене, а Амон рядом вздохнул:

— Чаю?

— Он не скоро вернется?

— Понятия не имею. Как разберется. Но мы будем тут.

Софи подумала, они ждут возвращения Гадеса, потому что все проблемы могут быть взаимосвязаны или потому что предпочитают держаться друг друга? Не озвучив свой вопрос, она молча последовала за Амоном на кухню.

Та оказалась большой и, судя по всему, напичканной какой-то современной техникой. Сет предпочел сесть и хмуро наблюдать за Нефтидой, уже поставившей чайник и заваривающей что-то в еще одном, маленьком и стеклянном. Амон тоже не растерялся и полез в один из шкафчиков, потом заглянул во второй:

— Да куда он печенье спрятал?

Софи присела на краешек стула и огляделась, но собаки снова не было видно, хотя она точно не проходила в светящуюся дверь.

— Это Цербер, — негромко сказал Сет, поняв, кого она ищет. — Воплощение в мире смертных. Для

него пространство — ничто. Но он и не существо этого мира. И бóльшую часть времени проводит в Подземном царстве. Ему не нужна дверь.

Софи сама не знала, почему с такой готовностью поверила в то, что говорили эти странные люди. Хотя... теперь выходит, они не совсем люди?

Нет, решила Софи, слишком походит на бред. Но она успеет подумать об этом позже, у себя дома — если, конечно, доберется туда сегодня. Вытащив телефон, Софи не заметила пропущенных вызовов от матери, но время неумолимо подходило к десяти. Обычно в этот момент она хотя бы отзванивалась, чтобы предупредить, что задерживается. Но сейчас даже не знала, что говорить — и стоит ли.

— Вот оно!

Амон наконец-то нашел то, что искал, и водрузил на стол овсяное печенье.

Сет вскинул брови:

— Гадес любит эту дрянь?

— Ненавидит, — Амон уселся на стул, подогнув одну ногу под себя и взял печенье. — Но я обожаю, и он хранит их специально для меня.

Нефтида расставила на столе чашки с чем-то густо пахнущим, так что Софи посмотрела с удивлением.

— Обычный чай, — пожала плечами Неф. — Но я люблю добавить всяких травок... хотя у Гадеса тут не разбежишься.

— Ты любой кухней недовольна, — махнул рукой Сет. — Если она не твоя.

Когда они с Нефтидой сняли пальто, оказалось, что сам он одет в классический костюм, а Неф — в длинное блестящее платье. Ощущение было такое, будто они ушли с какого-то важного приема, чтобы отловить Гадеса в кафе, где он сидел с Софи. Чтобы рассказать об исчезновении Амона.

Он сам уже принялся за второе печенье, и Софи не могла не спросить:

— Почему... почему вам понадобился Гадес? Чтобы отыскать Амона?

От Софи не укрылся взгляд Нефтиды, брошенный на Сета, но отвечать Неф предоставила ему:

— Он самый организованный из нас. И самый сильный.

— Почему?

— Так сложилось. Он смерть. А боги смерти всегда мощные. У Гадеса целый собственный мир. А тут мы не знали, с чем столкнемся. Никто никогда не убивал богов, знаешь ли.

— Я еще жив, — с набитым ртом заявил Амон.

Сет пожал плечами:

— Но Бальдр мертв. А ты... уж извини, ты постоянно во что-то влипаешь.

— Я был мил и тих, между прочим. Не представляю, кому мог не угодить.

— Возможно, попался под руку, — ответил Сет. — Если кто-то всерьез решил взяться за богов.

Амон запил печенье чаем и показал Сету язык, но Софи зацепилась за другую мысль. Она грела руки о чашку и, нахмурившись, спросила:

— Ты сказал, никто никогда не убивал богов... но до этого, в отеле, говорил, что только бог может убить бога.

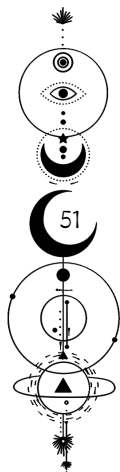
— Теоретически. Человеческое оружие в любом случае бессильно, оно может убить тело, но тогда мы просто создаем себе новое.

— Такое же?

— Мы консервативны.

Амон фыркнул, но ничего не сказал, а Софи снова спросила:

— А что за проблемы могут быть в Подземном мире?

— Вряд ли серьезные, — ответил Сет. — Скорее всего, Гадес там давно не появлялся, вот что-то и пошло не так. Но навредить его миру мертвых еще сложнее, чем любому богу.

— Пей чай, — посоветовала Нефтида.

Софи так и поступила. Смотря на темное небо за окном и ощущая на губах вкус ромашки и почему-то корицы. Несмотря на странность происходящего, она поняла, что верит во все это.

Что-то ткнулось в ногу Софи, и она вздрогнула. Но потом увидела, это всего лишь доберман: Цербер положил морду ей на ногу, и Софи рассеянно провела рукой у пса между ушами.

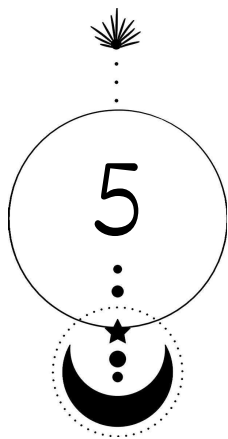
Они все одновременно повернулись к коридору, который просматривался с кухни. Краем глаза Софи заметила Амона: то ли так упал свет на него, то ли дело было в сосредоточенном выражении лица, но он стал казаться старше, гораздо старше, чем до этого.

Гадес почти вывалился из сияющей двери. Упал на колени, упираясь руками в пол и тяжело дыша. Выглядел он не сильно лучше, чем когда только отправился в Подземный мир, — даже наоборот.

Пока Гадес откашливался и переводил дух, чтобы подняться, Сет негромко выругался, Амон же сказал: — Это очень ненормально.

А Нефтида поставила на стол еще одну чашку.

— Нет!

Персефона срывается на крик, ее тонкие пальцы хватают статуэтку из полупрозрачного черного стекла и отправляют в полет до стены. Осколки брызжут во все стороны.

— Успокойся.

Голос Аида отрезвляет, холодит, проходит по коже струйками ледяной воды. Персефона останавливается, тяжело дышит, едва не запутывается в юбке длинного черного платья. Размазывает по лицу слезы.

— Я не хочу, — спокойнее говорит она и всхлипывает.

— Успокойся.

Персефона садится на пол, прислонившись спиной к красивой двери с вырезанными цветами и псами. Закрывает на миг руками лицо, не столько слыша, сколько ощущая, как рядом садится Гадес. Его плечо в рубашке касается ее обнаженного. Его сила холодит ее собственную.

— Я не хочу, — шепчет Персефона, в ее голосе скребутся шипы роз. — Не хочу этого цикла. Каждый раз. Я просто хочу остаться здесь.

Кончики его пальцев проходят по ее волосам. Почти неощутимо, как ночной ветер. И он роняет слово, будто каплю тьмы:

— Однажды.

— *Обещаешь?* — *Персефона вскидывает голову, хотя знает, что цикл шел сотни лет до этого и будет идти еще столько же. Сотни ее смертей и возрождений.*

— Да.

Они все смотрели на него, ожидая объяснений. Сет нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице, но даже он молчал. Глотнув еще чая, Гадес подумал, что наконец-то полностью ощущает себя здесь. И сказал:

— Возникли некоторые проблемы.

— Некоторые проблемы?! — взорвался Амон. Он даже вскочил с места и начал нетерпеливо ходить по кухне, что было не так-то просто, учитывая ее небольшие размеры. — Кто-то убивает богов, а ты вываливаешься из собственного царства, как будто тебя пережевали и выплюнули! Некоторые проблемы, да?

— Помолчи, — прервал его Сет. И даже бывалый Амон вздрогнул от интонации его голоса: безжизненность пустыни, шелест иллюзий и ветров. Пепла на выжженном пространстве.

Сет был древним божеством. Древнее Амона. Гадес никогда не интересовался, древнее ли его самого, да это и не имело значения. Но сейчас он почти ощущал невидимую бурю за спиной Сета. Не яростный огонь, который всех испепелит, а вихрь песка, застилающий солнце, забивающийся в легкие.

Иногда глаза Сета отливали красным, выдавая его нездешнюю сущность. Как и сейчас, когда он внимательно смотрел на Гадеса.

— Ты еще не совсем здесь, — сказал Сет. — Пей чай.

Это было почти приказом, но Гадес подчинился. Сделал еще глоток и прикрыл глаза, ощущая на языке горечь трав, сладость меда и терпкость простой воды, не имеющей отношения к Стиксу.

Обычно переход между мирами не занимал много времени и был почти незаметен. Но иногда становилось сложнее: Гадес не знал, зависело это от происходящего в Подземном царстве или от него самого, от настроения или количества выпущенных сил. Но порой, возвращаясь, он по-прежнему ощущал себя больше *там*, видел только богов сквозь тонкую человеческую кожу, чувствовал их силы, а вместо стен полупрозрачно клубилось Подземное царство.

Гадес знал, что у египетских богов есть своя земля мертвых, которой управляет Осирис, брат Сета. И у братьев всегда были напряженные отношения — настолько, что они не разговаривали столетиями. Но Гадесу казалось, что и без всяких других миров Сет иногда ощущал себя немного не здесь. Поэтому Сет понимал.

Когда Гадес открыл глаза, то первым увидел взгляд широко распахнутых глаз Софи. В них было что-то тревожное, печальное и, где-то в глубине, яростное. Но Гадес постарался не думать сейчас о Персефоне — если она до сих пор ничего не вспомнила, значит, все сложнее, чем он думал.

— А теперь говори, — сказал Сет, откидываясь на спинку стула. — И только попробуй что-нибудь утаить.

Проходя сквозь дверь, Гадес мог оказываться в любом месте своего царства, но знал, что ждать его будут у Стигийских болот, недалеко от любимой Персефойной беседки. И действительно, стоило появиться, как он услышал недовольное:

— Мог и побыстрее.

Харон стоял, скрестив руки на груди, курил дешевые человеческие сигареты и фыркал в бороду. Он казался мужчиной средних лет и носил джинсы и футболку с диким кислотным принтом.

— Не мог, — отрезал Гадес.

На самом деле у него всегда оставалась возможность нырнуть в Подземный мир из любой точки пространства, но это не очень хорошо сказывалось на физическом человеческом теле, да и рисковать сейчас, когда творится непонятно что, Гадес не хотел.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Ты звал так, будто все рухнуло.

— Может, по тебе соскучился?

Харон равнодушно выдержал ледяной взгляд Гадеса — одно из немногих живых существ, кто мог спокойно реагировать на бога смерти. И вздохнул:

— Иди, сам посмотри. Вон там.

Харон неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. Гадес с трудом сдержался, чтобы не высказать все, что думает о подобной неопределенности. Но напомнить Харону о его месте он еще успеет, сейчас Гадеса больше интересовало, что стряслось.

Подземный мир не был на самом деле спрятан в недрах земли. Он существовал в ином пространстве, напоминал скорее болотистую местность, расчерченную руслами рек. Здесь всегда царил полумрак: низкое небо не искрилось звездами, зато вокруг ярких точек хватало. Светились кончики травы у земли, края листьев на деревьях, искры иногда появлялись в самом воздухе от резких движений. Мягко мерцали темные воды рек, откуда-то со дна, призрачно и спокойно.

Мир черного, фиолетового и призрачно-молочного.

Мир, не меняющийся тысячелетиями и все-таки постоянно находящийся в движении, — травы,

листвы, воды, перетекающих друг в друга оттенков бархатной тьмы.

Это был мир Гадеса — и Персефоны, пусть пока она об этом не помнила.

Это мир наполнился шепотками и скользящими силуэтами. Древние верили, что души здесь страдают, но Гадес лучше многих знал, что они без проблем могут принять более осязаемый облик, если захотят.

Никого из приближенных видно не было, только Харон продолжал шагать за спиной — Гадес ощущал запах его дешевых сигарет.

— Хоть здесь не кури эту фигню? — Гадес не пытался скрыть раздражения. — Или хотя бы купи, что получше.

— Мне нравится.

— Я мог бы и приказать.

— Тогда я обижусь, и с кем ты будешь пить, когда этот засранец Амон в следующий раз куда-то запропаستится?

По правую руку появился неизменный Цербер. Как и Харон, он был существом этого мира, созданный здесь, родившийся здесь, принадлежащий этой земле и этим листьям. Но в отличие от Харона, Цербер никогда особо не стремился в мир людей и предпочитал проводить время здесь, надежно охраняя границы.

В Подземном мире ничто не сдерживало силу Цербера, и он предстал в истинном обличье: размером с жеребенка, с широкой грудью и крепкими лапами, покрытый короткой черной шерстью. Все три его головы действительно напоминали доберманы: изящные, вытянутые, смертоносные.

Его тело представляло собой нечто среднее между плотью и постоянно колышущимися тенями. Гадес положил ладонь на холку Церберу, ощущая, что шерсть того встала дыбом, а в глубине полупризрачной груди зарождается рычание.

Асфодели рассыпались под тяжелыми ботинками Гадеса. Когда он остановился перед тем, что и стало причиной вызова, то некоторое время молчал. Потом сказал:

— Дай закурить.

Харон только хмыкнул и протянул Гадесу свои сигареты.

— Не спрашивай, кто это, — сказал Харон. — Потому что если это не любовник Сеф, которого она тут похоронила, то я понятия не имею.

Гадес молча курил и стряхивал пепел на чьи-то выбеленные кости — определенно человеческие. Сквозь сдвинутые в кучу ребра пробивалось несколько бледных асфоделей.

Утробно рыча, Цербер обошел скелет, обнюхивая. Посмотрел на Гадеса, передавая информацию: да, человек.

— И его забросили сюда уже после смерти, — сказал Гадес. — Давно умершего человека. Откопали, смахнули грязь с черепа и зашвырнули в Подземный мир.

Харон хихикнул:

— Людям на порог дохлых котиков подкладывают, а тебе вот — скелетик.

— Котик тут вскочит и побежит, — отрезал Гадес. — Это мир мертвых. Но не... таких. У нас нет останков и плоти. Это нарушает баланс.

Гадес вспомнил, как однажды Персефона решила, что в мире слишком много несчастных кошек. Она стала собирать их и держать в Подземном замке. Как ни странно, на баланс это не повлияло, просто животные жили, а потом здесь же и умирали... чтобы на следующий день стать похожими на Цербера, созданиями темной плоти, мрака и фиолетовых искр.

— В замке спокойно? — Гадес повернулся к Харону. — В городе?

— Конечно. Но я специально еще раз проверил перед твоим приходом. Никого постороннего. Только сюда, на болота, на самой границе, смогли пробраться и подложить... вот это.

Гадес нахмурился.

Никто не проникает в Подземный мир без его ведома и разрешения.

Никто не смеет... и никто не может. Но скелет под его ногами насмеялся почти беззубым ртом, и самым фактом своего существования говорил о том, что на этот раз кто-то проник. Кто-то смог.

Как и смог убить одного бога и едва не уничтожить другого.

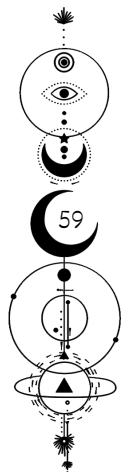
Сигарета закончилась, и Гадес сделал едва уловимое движение большим и указательным пальцем, будто растирая её — окурок превратился в пепел и осел в траву сияющими искрами.

Что-то еще не давало покоя с этим скелетом. Что-то неуловимое. Гадес приглядывался к цветам, склонившимся на кости, к фиолетовым искрам, таящимся на бедрах. Определенно человеческий скелет, выбеленный самой землей, но... было какое-то «но». Едва ощутимое. Почти неуловимое. Зуд на кончиках пальцев.

Цербер почуял настроение и желание владыки и начал снова крутиться вокруг скелета, обнюхивая его каждой из трех голов. Сгустки теней с шерсти порой опадали на ребра скелета, а в примятой траве, где только что стояла лапа, копились искры.

Внезапно остановившись, Цербер заскулил и вскинулся, всеми тремя головами уставившись на Гадеса.

Тот отшатнулся, едва не налетев на Харона. Здесь, в собственном мире, когда рядом не было даже приближенных, кроме верного Харона и Цербера, Гадес мог себе позволить не удерживать маску всемогущего бога.

Он — воплощенная тьма. Он — смерть, безжалостная и наступающая каждого.

Но не только.

Опустившись на колени, Гадес протянул руку и несмело коснулся костей. Кончиками пальцев. Трепетно, почти нежно провел по ключице. На миг ему почудилось, что он ощущает запах сладковатых лилий.

— Персефона, — понял Харон, — это скелет последнего тела Персефоны.

Все боги обладали телами, но они немного отличались от человеческих, были способны вместить силу. И если старое по какой-то причине приходило в негодность, создавалось новое.

Все, кроме Персефоны, чей дух перерождался после смерти тела — и ее останки, в отличие от тел других богов, не исчезали, а разлагались, как любые человеческие.

Гадес поднялся, но ощущал, как его бьет дрожь. Цербер ткнулся одной из голов ему в бок, поскуливая — Персефону пес всегда любил.

— Тебе надо выпить, — заявил Харон. — Пошли.

Беседка стояла неподалеку. Черная, кованая, с изящными стальными цветами, такими же опасными, какой иногда бывала сама Персефона.

На столе уже стоял графин с темно-гранатовой жидкостью: человеческая выпивка на богов действовала слабо, но только не настойка на водах рек Подземного мира. Харон налил два бокала, но пить не торопился — Гадес осушил свой залпом.

На порог Подземного мира подкинули вовсе не дохлого зверька. А скелет последнего смертного тела королевы этого места. И вместе с алкоголем по венам Гадеса начинала разливаться ярость. Вторя хозяину, заворчал и Цербер: в беседку он не пролезал, так что улегался снаружи.

Харон ухмыльнулся:

— Вот это выражение лица мне нравится больше. Оно обещает смерть и муки тем, кто посмел нарушить границы.

— Я сам стану их мукой.

— Что случилось? — Харон уселся на один из кованых стульев, болтая в бокале напиток. — Я слишком давно тебя знаю. Не только в костях дело.

— Кто-то убил Бальдра. И чуть не убил Амона.

— О.

На лице Харона не проступило особого удивления. Он хоть и мог появляться среди людей, но всегда предпочитал это место. Он был жителем царства мертвых, его созданием и продолжением. Смерть богов вряд ли могла его взволновать — нарушение границ собственного мира для Харона было куда большим потрясением.

— А еще я нашел Персефону, — спокойно продолжил Гадес. — И она ничего не вспомнила. Считает себя смертной.

Эта новость действительно поразила Харона. Борода ничуть не скрывала удивления на его лице.

— Как так?

Гадес пожал плечами и налил себе еще. Харон как беспомощно спросил:

— Но вы должны соединиться, и она вернется сюда как королева.

— Ты мне ее силой предлагаешь взять?

Гадес позволил себе немного язвительности, и это сразу сработало на Хароне. Взяв себя в руки, тот снова взболтнул в бокале вино, допил и посмотрел на Гадеса исподлобья:

— Думаешь, это все дело рук Деметры?

— Потеря памяти — безусловно. Но скелет — это слишком жестоко даже для нее.

— Тебе напомнить, сколько смертных она прокляла, потому что они при встрече ей тапочки не под тем

углом подали? — Хмыкнув, Харон налил себе еще. — А что насчет смерти богов?

— Да зачем это Деметре?

— А зачем кому-то еще?

Гадес пожал плечами. Он и правда не представлял. Убийство бога не давало никакой силы убийце, тот просто... исчезал.

— Меня больше беспокоит другое, — сказал он. — Персефона перерождается сотни лет. Это непреложный закон.

— Это прихоть Деметры, одобренная твоим братом, — пробормотал Харон.

Но Гадес не обратил внимания и продолжил:

— Боги тоже вечны. Как и границы Подземного царства. Все законы сейчас нарушаются, и я не знаю, к чему это может привести. Но... ты ощущаешь?

Гадес сделал широкий жест рукой, как будто призывал Харона прислушаться к миру вокруг. Ощутить его. Нахмурившись, тот замолчал, а через мгновение в глазах Харона отразилось понимание.

Подземный мир был продолжением Гадеса, его созданием, его кровью и его силой, всегда ощущавшейся за спиной. Он сразу понял, как что-то неуловимо меняется в самой ткани миров.

Пока никаких разрывов, только помехи, искажения, отдающиеся вибрацией вдоль позвоночника.

— Я не знаю, кто может сознательно нарушать законы мироздания, — глухо сказал Гадес. — Невозможно предсказать последствия. Не знаю, связано ли это все друг с другом и... почему происходит.

Он поставил пустой бокал, но больше наливать не стал.

— Я должен вернуться. А ты следи за тем, что творится здесь, и сообщай обо всех изменениях. Но, проклятье, Харон, научись уже присылать сообщения на телефон!